

- ⁵ Трубачев О. И. Об одном случае глагольного супплетивизма: Праслав. **-něti* 'нести, приносить'. — В кн.: В чест на академия Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му. София, 1980, 273—274.
- ⁶ Известные в болгарском языке аористные формы типа *донех, занех*, по-видимому, не могут быть включены в эту группу как не отражающие последовательного корневого *e* и допускающие иное истолкование. См. об этом: Венедиктов Г. К. О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. — ВЯ, 5, 1957, 60—68.
- ⁷ Сараджева Л. А. К этимологии праславянской основы **zybь* и древнеармянского *сир/р* 'зыбь'. — В кн.: Этимология. 1976, М., 1978, 64—66.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДР.-РУС. *мечь*. I

В настоящей статье рассмотрен вопрос лишь о древнейшей истории и этимологии основного древнерусского оружейного термина *мечь*.

Прежде чем обратиться непосредственно к этому термину, отметим его древний исконный синоним **сѣчь* (от глаг. **сѣk-ti*), не обнаруженный как название меча ни в одном из славянских языков и не встречающийся в сохранившихся до нового времени восточнославянских рукописях, но давший древнерусское производное — прилаг. *сѣчными* 'относящийся к мечу': Сѣчеса со Излемъ і изби га Изль сѣчемъ сѣчнымъ (ἐπάταξεν αὐτὸν Ἰσραὴλ φόνον μαχαίρας percussit eum . . . nese gladii). Числ. XXI. 23—24 по сп. XIV в. (Срезневский III, 905—906). Исходя из этого контекста, где словоформа *сѣчнымъ* соответствует греческой *μαχαίρας* и латинской *gladii*, И. И. Срезневский справедливо реконструирует исконное др.-рус. слово **сѣчь* 'меч', приводя и иные значения этого существительного, иллюстрируемые цитатами. Другие контексты, где *сѣчными* означало бы 'относящийся к мечу', неизвестны, и это указывает как будто на редкость употребления восточнославянского слова **сѣчь* 'меч', возможно, ставшего архаизмом уже в самый древний письменный период истории русского языка; недаром слово представлено в библейском тексте, который вообще наилучшим образом сохранял архаические явления языка. Об исчезновении следов этого термина к XVI в., вероятно, можно судить по замене прилагательного *сѣчными* на *мечными* в практически том же самом контексте, который мы обнаружили в одном из списков Пятикнижия Моисея: ѿ ѡзби ѧ / ѡиль сечемъ мечнымъ (Числа. 6, л. 362)¹.

Трудно сказать, можно ли связывать с появлением исконного термина **сѣчь* 'меч', так и не удержавшегося, впрочем, в употреблении, появление в XI в. в Киевской Руси мечей отечественного производства (ср. кириллическую надпись кокала ѡдота на клинке фещеватовского меча, найденного недалеко от Киева)². В связи с реконструкцией **сѣчь* 'меч' любопытно старорусское однокоренное с ним

слово *сѣчиво*, которым наряду с сущ. *мечь* и *ножь* переводится в Лексиконе полоно-словенском 1670 г. старопольское *kord* 'короткий меч, заостренный с одной стороны; вообще меч и — что весьма вероятно, — большой нож' (Sł. stol. III 345; Sł. polszcz. XVI w., X, 629); ср. болг. *сѣчиво* 'лезвие, клинок меча' (Геров V, 312)⁴, с.-хорв. *сѣчиво* то же⁵.

Правда, в церковно-книжных русских текстах *сѣчиво* и *мечь* четко различались: ни *сѣчива*. ни остроты желѣзных ноготь. ни мечи острыми. (Гр. Бог., XIV в., 1346. — Картотека СДР). Если *мечь* могло сочетаться со словами *божиш*, *духовный*, то *сѣчиво* обозначало хозяйственный топор — предмет, оскверняющий алтарь, на который запрещалось класть «сѣчиво» (Исход. Гл. 20)⁶.

Внутренняя форма древнерусского **сѣчь* 'меч' прозрачна; так именовался господствовавший у восточных славян до конца X в. рубящий меч — «каролингского» типа, с длинным (ок. 90 см), широким, пригодным только для рубки (сечения) клинком. С конца X — начала XI в. такого типа меч вытесняется на Руси колюще-рубящим — романским («капетингским») с преобладанием у него, впрочем, рубящей функции⁷.

Так как сама реалья к концу X — началу XI в. исчезла, исчез и термин, ее обозначавший, к началу письменной истории русского языка. Вероятно, этот исключительно восточнославянский термин, более поздний, чем общеславянское *мечь* — родовое, общее название данного вида колюще-рубящего оружия, — был видовым термином, указывавшим на особую (рубящую) разновидность меча, получившую в определенное время значительное распространение. Тем самым, термин **сѣчь* 'рубящий меч' отразил собой целый этап в развитии обоюдоострого рубящего (и колюще-рубящего) оружия.

Древнейшую фиксацию употребления слова *мечь* в русском языке следует относить к 1056—1057 гг. (в Остромировом евангелии): так на развоиника ли изидогте съ мечи и драколми. Ὡς ἐπὶ ληστῆν ἐπέληλυθατε μετὰ μαχαίρων καὶ ξόλων (Л. XXII, 52)⁸.

Хотя Остромирово евангелие скорее старославянский, чем древнерусский памятник письменности, но любопытно, что в других старославянских текстах Нового Завета — Зографском, Мариинском евангелиях, в апракосах — имеем в данном контексте (Лука XXII, 52), вместо меча словоформу *оржжаема*, и это можно связывать с заменой обычного в старославянских евангельских текстах (Мк. VI, 27) слова в вин. пад. *спекулагора* или, по некоторым спискам, *коина* на словоформу *мечаника* 'палача' также только лишь в Остромировом евангелии (л. 288а)⁹.

Установлено, что слово *течьникъ* свойственно древнерусскому (Срезневский II, 132—133; ср.: Тупилов 250: «Петръ Мечникъ, вилеский мѣщанинъ». 1614)¹⁰ и западнославянским языкам (польск. *miecznik*, чеш. *mečník*); оно засвидетельствовано в старославянской письменности лишь в Остромировом евангелии, притом в единственном употреблении (Slovník jaz. stsl. II, 204), и справедливо расценивается как мнимый старославянизм¹¹. Оно не случайно отсутствует

в перёчнѣ старославянскихъ существительныхъ с формантомъ на *-ъникъ* у Р. М. Цейтлин¹².

Такимъ образомъ, указанная замена оружіе на мечъ и сущ. спекуляторъ на мечникъ в Остромировомъ евангелии, написанномъ, какъ известно, для новгородскаго посадника Остромира, принадлежитъ его писцу, отразившему активность термина *мечь* в речи древнихъ новгородцевъ.

Слово *мечь* в Остромировомъ евангелии указываетъ на (холодное) оружіе, которое можетъ быть использовано какъ рубящее, судя по употребленію производнаго мечникъ (*σπεκουλάτωρ*): *ποσλα цръ* мечника. *Покелѣ принести глажъ него (голову Иоанна-крестителя. — Г. О). Мк. 6, 27.*

Практически в такомъ же основномъ значеніи — 'старинное колющее или рубящее металлическое оружіе, состоящее изъ прямого клинка и крыжа' — военный терминъ *меч* известенъ в русскомъ языкѣ и в наши дни¹³ и, будучи праславянскимъ¹⁴, употребителенъ в другихъ славянскихъ языкахъ: ср.-укр. *мечь* 'мечъ' (Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. I, 587), укр. *меч* и *міч*, род. п. *меча*, 'мечъ; сабля, украшенная цветами, шумихой, пучкомъ калины, с горящей свечой, обвязанная платкомъ, — употребляется в свадебномъ обрядѣ' (Гринченко I, 421), ст.-блр. *мечь* (перв. четв. XVI в.: Слоўникъ мовы Скарыны I, 320), блр. *меч*, род. п. *мяча*, 'мечъ' (БРС 448), ст.-польск. *miecz* 'рубящее оружіе с широкимъ остриемъ и длиннымъ клинкомъ с рукоятью', *gladius, ensis* — и рядъ другихъ производныхъ значеній (Sł. stpol. IV, 201—202); 'короткій и широкій мечъ, тесакъ, кончар, кордъ, сабля, кошь' (Reszek. Sł. 744); польск. *miecz*, редк. стар. *miekut* 'рубящее и колющее оружіе, рапира, кордъ; плоская сторона меча' и рядъ семантическихъ производныхъ (Варшавскій словарь IV, 947—948), в.-луж. *mjes* 'мечъ' (Трофимовичъ 121; Pfuhl 364), н.-луж. *mjas* 'мечъ' (Мука I, 903); полаб. *mēs* (*mēs?*) 'мечъ' (тамъ же)¹⁵, чеш. *meč* 'мечъ' и производные значенія (Jungmann II, 411), словац. *meč* (SSJ II, 118), ст.-слав. *мечь*, м. 'мечъ', *μάχαρα*, *ξίφος*, *ρομφαία* (Slovník jaz. stsl. II, 204), болг. *меч* 'ножъ, сабля, мечъ' (Геров III, 62), 'старинный воинскій длинный обоюдоострый ножъ' (РБЕ II, 73), макед. *меч* 'мечъ' (Конески I, 412), др.-серб., серб.-ц.-слав. *мьчь* («*отъ смъртноснаго же мьча*». Житие св. Саввы; ср. еще записъ отъ 1330 г.: «Богданъ мчаларь» — о дечанскомъ мастере по изготовленію мечей)¹⁶, с.-хорв. *māč*, м. 'мечъ' *ensis* (Iveković—Broz I, 650, RJA 24, 349), словен. *měč*, род. п. *měča* 'мечъ' (Pleteršnik I, 559).

Этотъ славянскій терминъ связываютъ с готскимъ *mēki* (им. пад. **mēkeis*) 'мечъ', встречающимся лишь однажды (в Ephes. 6. 17) в вин. пад. ед. ч., далее — с др.-сакс. *māki*, др.-англ. *mæce*, др.-исл. *mæker* 'мечъ' (Balg 275)¹⁷; изъ готскаго финское *miekka* 'мечъ' (Berneker II, 30; Фасмер II, 612), сюда же карел. *миэкку* 'мечъ'¹⁸. Ср. еще тур. *māč* (Радлов IV, 2106, с пометой: «изъ слав.») и лит. *mėčius* 'мечъ' — также изъ славянскаго (Фасмер II, 613).

Слав. *мечь* (и *мьчь*) нередко возводили к гот. **mēkeis* (Meillet. Études, 184; Младенов, 295 — с оговорками¹⁹), но тогда трудно объ-

яснить $\bar{e} > e$ или \bar{y} . Само германское слово лишено достоверных родственных связей, и возникло предположение о неисконности славянской и германской групп соответствий (см., например: Фасмер II, 613²⁰) и о неизвестном общем для них источнике заимствования, например, кельтском, дакском, сарматском (Berneker II, 30)²¹, кавказском²². Так, по К. Г. Менгесу, гот. *mēki*, слав. **mešь* из дидойск., капуч., арчин. *maša* 'сабля', даже вопреки тому, что кавказская аффриката не могла быть источником для готского велярного: «Буква *k* в этом готском слове могла служить просто графической передачей — не обязательно совпадающей с живым произношением славянского *ч* из кавказского ξ или же кавказского ζ в случае прямого заимствования»²³. Если это так, то непонятно, почему германские термины последовательно писались через букву *k*, а не *t* (*mēti*, *māti*, *māter*), что как будто лучше бы передавало аффрикату ξ (слав. *ч*); необъяснимо и редк. стар. польск. *miekut* 'меч', которое вряд ли можно отделять от слав. *mešь*, гот. *mēki*.

Скорее наоборот: кавказ. *maša*, *miša* «могли быть заимств. из слова *мечь* через тюрк. (ср. тур. *māç*) из слав.» (Фасмер II, 613). К. Г. Менгес возражает: «... не может быть и речи ... , чтобы в языке народов, известных во все эпохи работами по металлу и изготовлением оружия, для обозначения того предмета, который имеется у них во всех своих разновидностях, использовалось бы иноязычное заимствованное слово»²⁴. Здесь К. Г. Менгес говорит об оружии вообще, не конкретно о мечах. Но то, что турки заимствовали слав. *меч* (*māç*), утверждают сами тюркологи (Радлов); от тюркозавоевателей жители отдельных кавказских провинций и могли перенять этот термин. В «Повести о Дракуле» (по списку XV в.) мы имеем свидетельство, что турки использовали мечи еще в XV в. (Дракула, вооруженный мечом, был принят в бою за турецкого воина). Упускается из виду и удивительная техника выделки мечей высокого качества в древности именно в Центральной Европе (латенская культура), откуда были заимствованы мечи с длинным клинком (*spatha*, *Schlachtschwert*) воинственными римлянами периода империи²⁵.

Вряд ли приемлема и высказанная еще в 1875 г. и недавно острожно повторенная версия о заимствовании славяно-германского термина из груз. *māxva* 'острый; меч', лезг. *maχ* 'железо'²⁶: вокализм этих слов «представляет трудности» (Фасмер, II, 613).

С памирскими терминами рупанским *mēdǰ*, шугнанским и сарыкольским *mīdǰ* 'сабля, шашка; запоясный нож' сближает готское *mēki* О. Семереньи, выводя славянское *мечь* из готского. История названных восточноиранских языков, как сформировавшихся с определенными отличительными чертами, начинается с VIII—IX вв. н. э., а готское *mēki* засвидетельствовано в IV в. н. э., и речь может идти о заимствовании готами лишь из более древних, чем *mēdǰ*, *mīdǰ*, прототипов этих терминов, не обнаруженных в древне- и среднеиранских языках — из праформ **madjaka*, **mēdkī* 'талия, пояс' → 'что-либо привязанное к поясу', где **mēdkī* > **mēkkī* > **mēki* — источник заимствования²⁷. Преобразование **mēdkī* > **mēkkī* автор, впрочем, не подкрепляет какими-либо иранскими аналогиями с ассимиляцией

д > к перед к. Автор не принял во внимание польск. редк. стар. *miekut* 'меч', очевидное или весьма вероятное родство которого с *мечь*, гот. *mēki* нужно безоговорочно исключить для фонетической правдоподобности версии о заимствовании гот. *mēki* из восточноиранского, с последующей передачей заимствования слavianскому.

Неясны и пути заимствования. Если иран. **mēki* (> гот. *mēki*) «было, несомненно, привезено странствующими купцами из Западной Сибири»²⁸, а слав. *меч* заимствовано только из др.-герм. источника²⁹, то это выглядит несколько искусственно.

Кроме того, оружейные термины обычно «переносятся воинами и пленными» (Mасhek², 357), а не купцами. Нет необходимости исключать возможность заимствования оружейных терминов по линии торговли, но это нетипично и для важнейших военных терминов, как *мечь*, *mēki*, неприемлемо. Характерно, что из заимствованных названий оружия, например, в русском языке XI—XVII вв., мы имеем больше всего германских, польских и тюркских слов или слов, пришедших через эти языки; в болгарском — турцизмов, древних германизмов, русизмов и т. д., т. е. оружейные термины заимствуются непосредственно от тех народов, с которыми имеются военные контакты, чаще всего многократные, длительные, в форме войн или военных союзов (в последнем случае заимствование идет обычно в направлении от более сильного и авторитетного союзника к другому).

Этимологическая версия О. Семереньи не помогает выяснить вопрос, почему гот. *mēki*, др.-англ. *mēse*, др.-исл. *mæker*, др.-сакс. *māki* исчезли, а славянские слова *тець*, *тьць* > *мъч* сохранились. Между тем вообще этимология и истории заимствований, как известно, переплетаются, и историко-лексикологические данные здесь важны.

Слав. (др.-серб.) **тьць* О. Семереньи считает первоначальной общеславянской формой (аналогично: Miklosich 208; Skok II, 345), исходя из отражения результатов раннего падения редуцированных в старославянских памятниках, что сомнительно: написание *мъч* обнаружено лишь в сербских церковнославянских и хорватских глаголических памятниках при регулярном ст.-слав. *мьчъ* (Slovník jaz. stsl. II, 204). Кроме того, падение редуцированных в восточнославянских языках происходило приблизительно во второй половине XII в.³⁰, однако во всех древнерусских памятниках, включая датируемые XI веком, встречается последовательно выдержанное написание *мечь*. Форма **тьць* является исходной лишь для древнего сербохорватского. О несостоятельности других этимологических версий (например, о связи слав. *тець*, гот. *mēki* с лат. *tactō*, *-āre* 'убить, зарезать' или об их родстве со ср.-перс. *māgen* 'меч', а также о неоправданном сближении готского *mēki* с и.-е. корнем *(s)mēi-, представленным в греч. σμίλη 'нож', др.-инд. *mēkhalā* 'портупей', лит. *smāigas* 'дубина', лтш. *šmīga* 'палка, жезл') см.: Feist³ (1939), 353; Фасмер, II 613; Ferrmeglia G. Op. cit., 124.

Возможно, в вопросе об этимологии слав. *тець* (и *тьць*), гот. *mēki* и проч. не лишне учесть, что «клинковое оружие издревле носило название б е л о г о оружия (разрядка наша. — Г. О.), blanche Waffe, arme blanche, armi blanche. О светлом блеске мечей говорит

древняя сага, упоминая о нем, как об источнике света в чертоге Водана»³¹. В средневерхненемецком эпосе XIII в. «Песнь о Нибелунгах» упоминается чудесный сверкающий меч Вельзунга и Зигфрида — Нотунг. Светлый, «белый» тон блестящего клинка позволил миннезингеру вложить в уста Роланда слова: «E! Durendal cum es e clere e blanche!»³² («О! Мой Дурендал [меч], какой ты светлый и белый!»).

По наблюдению В. В. Арендта, эпитеты в древности неотъемлемы от оружия, и в средние века слово, обозначающее 'меч', обычно заменяется у европейцев его эпитетом. Таково др.-исл. *brandr*, др.-англ. *brand*, др.-в.-нем. *brant*, нем. *Brand* — с первоначальным значением 'головня, горящий на ветру факел' и затем поэт. 'меч (сверкающий)', образованное от герм. *brennen* 'жесть, палить, обжигать'. Из герм. *brant*, *brand* заимствовано ст.-франц. *brant* и поэтич. итал. *brando* 'меч' (Buck 1393, Grimm 2, 294)³³, франц. *brandir* (l'érée) 'потрясать, размахивать (мечом)'. Переводом нем. *Brand* на рус. было слово *пламенный* (после XVII в.) в Описи Московской оружейной палаты: «Меч пламенный немецкий XVI века» (неоднократно и всегда с уточнением «немецкий») ³⁴.

С появлением в германских языках преимущественно поэтического исконного *brand* 'меч' (например, в английском — с 1000 г.; в готском оно не отмечено [Grimm II, 294], будучи сравнительно поздним новообразованием) из этих языков исчезает, бесспорно более древний заимствованный термин англ. поэтич. *mæce*³⁵, др.-сакс. *māki*, др.-исл. *mæker*, следовательно, семантически и по употреблению слова обоих рядов были очень близки между собой.

Полагают, что эпитет *brand* (/t) «взят. . . от производства и понимался в свое время, вероятно, как 'рожденный пламенем; вышедший из пламеобработки; пламенный'»³⁶.

В немецких и английских словарях *Brand* 'меч' дается как вторичное от *Brand* 'головня, горящий факел', что очень интересно в связи с одним из древних европейских способов закаливания мечей — холодными струями воздуха: всадник садился на коня, брал в руку раскаленный меч, держа его поднятым вверх, как горящий факел, и в таком положении скакал на лошади во весь опор до полного охлаждения клинка³⁷. Такая техника закаливания клинков должна была быть характерной в первую очередь для народа, славившегося как производством мечей, так и верховой ездой, откуда эта техника могла распространиться дальше. Таким народом в древности были в Европе кельты, от которых не случайно заимствованы названия лошадей славянами (*копь* < кельт. *konko*, по этимологии О. Н. Трубачева³⁸), немцами (ср. термин *Pferd*, в формировании которого, как известно, большую роль сыграл кельтский элемент).

Отметим, что «собственно кельтские мечи были длинными», а в латенское время, в IV—III вв. до н. э. (ср. крупный склад длинных кельтских железных мечей, найденных у поселения La-Tène в Центральной Европе), они получают еще большую величину³⁹; длинный же меч — оружие конника, для пехотинца он неудобен⁴⁰.

Известно, что кельты внесли исключительный вклад в европейскую металлургию и металлообработку, судя уже по их оружию, и прежде всего мечам, панцирям и т. д.⁴¹ Как подчеркивает О. Н. Трубачев, «археологи прямо связывают с кельтами обычай (известный и у славян! — Г. О.) сгибания загробных даров и прежде всего — оружия, мечей. Невольно при этом вспоминается лексическая группа слав. **gybnŏti*, **gybělь* 'гибнуть; гибель' из первоначального 'сгибать; сгибание'⁴².

Если германцы, а через них славяне заимствовали у кельтов название нагрудного панциря (др.-в.-нем. *brunja*, праслав. **brъn'a*)⁴³, то не приходится удивляться и заимствованию ими у кельтов названием меча, по-видимому, одного из его эпитетов, ср. кельтскую глагольную основу *tesc-*, родственную лат. *micāre* и возводимую к и.-е. **meik-*, **mik-* 'сверкать, искриться' (Vendryes 2, М-26), ср. брет. *teset*, *micet* 'сверкать, блестеть, искриться', откуда *andemecet* 'честь, достоинство' и имя собственное *Kenmicet* (Fleuriot, 252), галльск. *ed-mygu* 'любоваться', *myged* 'восхищение' (Vendryes, там же), ирл. *de-mecim* 'перетирать, портить' (Fleuriot, 256).

Окончания глагола *teset*, *micet* ввиду их изменчивости, при таком их сближении с *мечь* и *mĕki*, могут и не приниматься в расчет. Ср., кроме того, собственные галльские имена *Meccius* (на территории древней Бельгии) и *Maecius* (на территории Германии)⁴⁴, фонетически и территориально близкие готскому **mĕkeis*, им. пад. Ср. еще древние кельтские имена собственные *Mici-o*, *Micia*, *Mic-ius*⁴⁵.

В отдельных случаях в качестве названия меча кельты, возможно, употребляли причастие настоящего времени от глагольной основы *tesc-* с помощью суф. *-nt* с предшествующим ему гласным непременного ряда: **tec(c)ant* (или **tec(c)ont*) 'сверкающий', откуда уже приводившееся польск. редкое старое (конец XVII—первая половина XVIII в.) *miekut* 'меч' — возможно, из чешского после деназализации в последнем носовых гласных или же из польских диалектов, переживших деназализацию носовых.

Чередование корневого *e/i* в кельт. *teset/micet* облегчает объяснение двух славянских форм *тець* и *тѣь* (< *mĕci*), при этом возможность заимствования формы *тець* непосредственно из гот. *mĕki* мы не исключаем, учитывая, в частности, то, что фонематическое значение долготы гласных в готском, как отмечает и поддерживает это О. Семереньи, по результатам новейших исследований ставится под сомнение⁴⁶. С приходом кельтов в Центральную Европу (Чехия, южная часть нынешней ФРГ) возник симбиоз их с местным населением (во 2-ой половине I тыс. до н. э.), который временами прерывался военными столкновениями между обеими сторонами. В результате этих столкновений часть славян была вытеснена на север, на территорию нынешней Польши. В военных контактах у кельтов со славянами и германцами длительное время приоритет был за кельтами, что создало наилучшие условия для рассматриваемого нами заимствования.

То, что славяно-германский термин в таком случае заимствовался из кельтского эпитета меча, а не из другого его названия (ср. ирл.

clatdeb, уэльск. *cleddyf* 'меч' и т. д. или ирл. *colg*, брет. *calc'h* 'менее общее название меча' — Буск, 1392—1393), имеет надежную аналогию: ит. *brando* и ст.-франц. *brant* — из герм. эпитета *Brand*, хотя нем. *Schwert* 'меч', насколько известно, в романские языки не заимствовалось.

Когда военный авторитет кельтов в глазах германцев упал, особенно в IV—VI вв. н. э. при захвате германцами большей части Западной Римской империи, в которую входили покоренные Римом в I в. до н. э. кельты, потеряло актуальность, а затем и исчезло из германских языков это заимствование, слабо засвидетельствованное (единственный раз) уже в IV в. н. э. — в готском. В условиях очень длительных языковых контактов с кельтами, продолжающихся, как известно, и поныне, германцы создали и активизировали по образцу слова **mekeis* свой исконный эпитет меча *Brand*. Славяне же не покоряли кельтов и вместе с тем сохранили термин *мечь*.

¹ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: F.I.1. XVI в.

² *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли. IX—XIII вв. М.—Л., 1966, 41.

³ ЦГАДА, ф. 381, Библиотека Синодальной типографии, № 1792, л. 85.

⁴ См. также: *Шкриванич Г.* Оръжието в средновековна Сърбия от началото на XV в. до нейното падане (1459). — В кн.: Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна. София, 1969, 201.

⁵ *Шкриванич Г.* Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубравнику. Београд, 1957, 35.

⁶ Библия. Острог, 1581.

⁷ Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. XVI. М., 1974, 587—588; *Аризовский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. — В кн.: Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 4, 1946, 3—10; *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв. — В кн.: Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия. I, 1947, 80 и сл.; *Он же.* Вооружение новгородского войска. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 6. 1946, 557; *Кирпичников А. Н.* Русское оружие ближнего боя. (X—XIII вв.). Дис. канд. истор. наук. Л., 1963, 236, 239; *Wachnak A.* Nazwy białej broni w języku polskim i francuskim. — JP LV, N 5, 1975, 364.

⁸ *Востоков А. Х.* Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий. СПб., 1843, 293.

⁹ Там же; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, 291.

¹⁰ Ссылка в кн.: *Віршла М. В.* Беларуска антрапанімія. Мінск, 1969, 284 — на русскую фамилию *Мечников* должна учитываться с некоторыми оговорками. Если речь идет об известном бактериологе И. И. Мечникове, то он является прямым потомком Георгия Штефана Спэтарула (*Georghe Ștefan Spătarul*) румына, эмигрировавшего в Россию вместе с Д. Кантемиром в 1711 г. Третий элемент его собственного имени указывал на придворный в Молдавии титул, означавший 'меченосец'. Ср. того же происхождения известную фамилию *Спафарий*, на что обратил внимание автора статьи О. Н. Трубачев. Г. Ш. Спэтарул перевел свой титул на русский, и соответственно стал именоваться Юрий Степанович Мечник, см.: *Unbegaun B. O.* Russian surnames. Oxford, 1972, 362. — Однако сама замена *Спэтарула* на *Мечник* свидетельствует о достаточной известности термина *мечник* в русском языке начала XVIII в.

¹¹ *Львов А. С.* Старославянское ли слово *мечникъ*? — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, 180—184.

- ¹² *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 76. — Слово *мечникъ* образовалось при помощи суф. *-икъ* от прилагательного *мечныйи*, активного в памятниках именно XI—XIII в., тогда как его словообразовательный синоним *мечевой* становится активным лишь в XIV—XV вв. См.: *Зверковская Н. П.* Параллельные прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ьн-*. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966, 229.
- ¹³ *Арсеньев Ю. В.* и *Трутовский В. К.* Оружейная палата. Путеводитель. М., 1914, 312; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 282; Советский энциклопедический словарь. М., 1980, 809.
- ¹⁴ Так характеризовал это слово уже А. Будилович, см.: *Будилович А.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. 2, 1. Киев, 1885, 5.
- ¹⁵ См. также: *Shevelov G. Y.* A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, 457; *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, 134.
- ¹⁶ *Шкриванић Г.* Оружје. . ., 199—200.
- ¹⁷ См. также: *Holthausen F.* Gotisches etymologisches Wörterbuch mit Einschluss der Eigennamen und der gotischen Lehnwörter im Romanischen. Heidelberg, 1934, 70; Feist¹ 192; Meillet. Études, 184.
- ¹⁸ *Макаров Г. Н.* Русско-караельский словарь. Петрозаводск, 1976, 67.
- ¹⁹ См. также: *Lottner C.* Ausnahmen der ersten Lautverschiebung. — KZ XI, 1862, 174; *Uhlenbeck C. C.* Die germanischen Wörter im Altslavischen. — AfslPh XV, 4, 1893, 489; *Веселовский А. Н.* Из истории древних германских и славянских передвижений. — Изв. ОРЯС V, 1, 1900, 22; *Brückner A.* Cywilizacja i język. Warszawa, 1901, 24—25; *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. II. Jena, 1906, 109; *Kostrzeuski J.* Les Origines de la Civilisation Polonaise. Paris, 1949, 340; *Нудерле Л.* Славянские древности. М., 1956, 374; *Шкриванић Г.* Оружје. . ., 35; *Vochnak A.* Op. cit., 364; *Skok II*, 345—346 (с допущением кавказской этимологии).
- ²⁰ См. также: *Stawski F.* [Рец. на кн.:] С. Младенов. Етимологически и правописењ речникъ. — RS XVI, 1, 1948, 92; *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, 217: не исключается заимствование в готском из славянского; иначе см.: *Fermeglia G.* Note in margine al lessico slavo. — In: Att del sodalizio Glottologico Milanese. Milano, 1979 (1981), vol. 21, 123—124: слав. *mečī* (*mīčī*), не заимствованное из германского, и гот. *mēki* восходят к одному неизвестному источнику [предположительно к и.-е. корню **mē-*: гот. *mēki* < **mē-g-īo-*, слав. *mečī* (и якобы вторичный, возникший вследствие редукции *e* > *i*, вариант *mīčī*) < **me-g^hīo*].
- ²¹ См. также: *Соболевский А. И.* Рец. на кн.: С. Младенов Старитъ германски елементи въ славянскитъ езици (отпечатано от СБНУ XXV. София, 1910). — ЖМНП, 1911, май, 161. (В связи с гот. *mēki*, слав. *mečъ*: «Надо иметь в виду, что германцы и славяне имели соседями одни и те же народы — кельтов, даков и сарматов»).
- ²² *Kiparsky V.* Op. cit., 138; *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, 198—202.
- ²³ *Менгес К. Г.* Указ. соч., 199.
- ²⁴ Там же, 200.
- ²⁵ Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 282; Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Леера Г. А. V, 1. СПб., 1890, 158.
- ²⁶ *Shevelov G. Y.* Op. cit., 169.
- ²⁷ *Szemerényi O.* Germanica I (1—5). — KZ 93, 1, 1979, 110—111.
- ²⁸ Там же, 112.
- ²⁹ Там же, 114—117.
- ³⁰ *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, 178.
- ³¹ *Арендт В. В.* О «мечех харалужных» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности ак. А. С. Орлова. Л., 1934, 340.

- ³² La chanson de Roland et le roman de Roncevaux des XIIe et XIIIe siècles. Paris, 1869, 71 (куплет № CLXXII).
- ³³ См. также: The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. Complete Text Reproduced Micrographically. I. Oxford, 1980, 1055 (англ. *brand* 'меч' зафиксировано с 1000 г. и характеризуется как поэтическое по своему употреблению, «хотя в нынешнем (XX) столетии писатели-романисты используют это слово в прозе как архаизм»); *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana, II. Torinese, 1962, 358.
- ³⁴ Опись Московской оружейной палаты, IV. 3. М., 1885, 75, 76.
- ³⁵ *Campbell A.* Old English Grammar. London, 1959, 51.
- ³⁶ *Арендт В. В.* Указ. соч., 341.
- ³⁷ Подчеркивая древность такого способа закаливания клинка, В. В. Арендт добавляет: «Прием этого рода использовался еще не так давно на Кавказе, о чем мне любезно сообщил Е. В. Крупнов, сделавший запись об этом во время экспедиции Ингушского научно-исследовательского института краеведения в Горную Ингушетию в 1929 г. в ауле Эрзи» — там же, 341.
- ³⁸ *Трубачев О. Н.* Языкование и этногенез славян. Славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, 5, 10—11.
- ³⁹ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. XIX. СПб., 1896, 227—228; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 283. Ср. характеристику кельтских мечей среднего и позднего латенского периода в кн.: *Neustupný E.* and *J. Czechoslovakia before the Slavs.* London, 1961, 148: «Оружие (кельтов. — *G. O.*) также было сделано из железа; прежде всего длинные обоюдоострые рубящие и колющие мечи, заключенные в ножны с декоративной оправой, и листовидные наконечники копий». (В разделе «Middle and Late La Tène: The Celts»).
- ⁴⁰ *Рабинович М. Г.* Вооружение новгородского войска. . . , 558.
- ⁴¹ *Тизанова М. А.* Кельтская проблема в современной археологии. — В кн.: Кельты и кельтские языки. М., 1974, 10—11.
- ⁴² *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11, со ссылкой на *Słownik starożytności słowiańskich I*, 228, и работу Третьякова П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, 132—134. О перегнутых пополам мечах в восточнославянских могилах см. также: *Корзулина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. — СА XIII, 1950, 81—89; *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье. — СА XXIII, 1955, 131—143.
- ⁴³ *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11.
- ⁴⁴ *Whatmough J.* The Dialects of Ancient Gaul. Prolegomena and Records of the Dialects. Cambridge, 1970, 749, 967. — На эту работу любезно обратил внимание автора статьи В. П. Калыгин.
- ⁴⁵ *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. II. Graz, 1962, 583.
- ⁴⁶ *Szemerényi O.* Op. cit., 114 с литературой.

И. Г. Добродомов

ТРИ НЕВЫЯВЛЕННЫХ ТЮРКИЗМА РУССКОГО СЛОВАРЯ

(*тлюбяк, тюря, бандура*)

Ведущиеся с первой половины XVIII в. исследования по обнаружению тюркизмов русского языка, успешно начатые В. Н. Татищевым и продолженные в дальнейшем многими русистами и тюркологами вплоть до наших дней, получили суммированное отражение в «Словаре тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой (Алма-Ата, 1976, 444 с.). Однако материал, обобщенный в этом словаре, требует